

КАТЕРИНА
ДАЙМОНД

КАТЕРИНА
ДАЙМОНД

УЧИТЕЛЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Д12

Серия «Детектив — самое лучшее»

Katerina Diamond

THE TEACHER

Перевод с английского *Т.А. Осиной*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Diane Banks Associates Ltd.

Даймонд, Катерина.

Д12 Учитель : [роман] / Катерина Даймонд ; [пер. с
англ. Т. А. Осиной]. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 352 с. — (Детектив — самое лучшее).

ISBN 978-5-17-099229-4

Вы полагаете, что знаете, кому можно доверять, а кому — нет?
Вы уверены, что знаете, чем добро отличается от зла?
Вы считаете, что преступление — это всегда преступление?
Вы ошибаетесь!

Директор элитной школы получает таинственную посылку — и спустя несколько часов его находят повешенным в актовом зале школы.

Так начинается череда изощренных убийств, превративших в ад тихий английский город Эксетер.

Опытные детективы Иможен Грей и Эдриан Майлз, которым поручено расследование, пытаются прояснить мотивы загадочного преступника. Они еще не знают, что скоро им придется задать себе неожиданный вопрос: действительно ли его необходимо остановить?..

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Katerina Diamond, 2016

© Перевод Т.А. Осиной, 2016

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17- 099229-4

Глава первая

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

Джеффри Стоун проводил в атриуме общее собрание. Говорил, обращаясь к унылым юным лицам, и время от времени посматривал на стальной каркас стеклянной крыши. Никто, в том числе и сам мистер Стоун, не подозревал, что утром его обнаружат повешенным на прочной балке.

Неподвижный взгляд над белым крахмальным воротничком будто обращался в сторону директора, однако был направлен в пустоту. Все обреченно ждали звонка. В школе любили общие собрания, но только до того момента, когда начиналась обычная томительная скука. Церемония представляла собой странное промежуточное состояние между работой и отдыхом, напоминая коварное затишье перед бурей. В эти мучительные минуты тикание часов казалось Джеффри громче собственного голоса. В бесконечных паузах от удара до удара он надеялся, что долгожданный звонок избавит от тусклых, равнодушных лиц учеников и коллег. Каждый пытался притвориться заинтересованным, но никому это не удавалось. Все полезные волевые усилия сводились лишь к тому, чтобы удержать тянувшиеся к носам пальцы. Когда же спасительная трель наконец провозглашала свободу, Джеффри неизменно ощущал ничуть не меньшее облегчение, чем слушатели: по крайней мере, больше не требовалось

щеголять ненавистными анекдотами, давным-давно никого не интересовавшими.

О неизбежности близкого финала сообщил сверток, который Джеффри нашел на столе, вернувшись в кабинет. С опаской разорвал плотную бумагу, словно по размеру, форме и весу посылки уже догадался, что роковое известие явилось из прошлого, о каком не хотелось вспоминать. Взглянул и побледнел: перед ним лежала старинная немецкая книга. Понять смысл молчаливого послания не составило труда. Гром грянул отнюдь не среди ясного неба, хотя с тех пор, как Джеффри Стоун взял тяжелый том в руки, а потом подарил человеку, чьей дружбой дорожил, миновало двадцать лет. И вот призрак материализовался. Страшной неожиданностью стала не сама книга, а смысл ее возвращения — бесспорный и неотвратимый, сосредоточенный в одном коротком слове: конец.

Джеффри убрал книгу в ящик стола, чтобы заняться ею позднее. Внимательно осмотрел оберточную бумагу, прочитал надпись и похолодел: выяснилось, что посылку не прислали по почте, а доставили лично. Но почему именно сегодня? Чем этот день отличался от остальных? Конечно, смерть не оставляет выбора, но за долгие годы Джеффри уже привык к мысли о спасительном забвении и поверил, что выкрутился. Оказалось, все не так просто.

Он в последний раз прошел по запутанным коридорам, с болезненной нежностью прикасаясь ладонью к старинным дубовым панелям на стенах. Истертая множеством рук причудливая резьба свидетельствовала о бесконечности жизни. Черчилл — почтенная закрытая школа для мальчиков — долгое время служила Джеффри Стоуну родным домом. Интересно, кто станет здесь следующим директором? Здание было построено

несколько веков назад и считалось одной из жемчужин Эксете́ра — древнего города, жестоко разрушенного гитлеровской авиацией в 1942 году, во время печально знаменитых «воздушных налетов по Бедекеру». За бомбежку немецких Любека и Росток фашисты отомстили британцам хладнокровным, расчетливым уничтожением пяти красивейших исторических и культурных центров, подробно описанных в знаменитом путеводителе. Людям пришлось прятаться в средневековых тоннелях, когда-то служивших водопроводом.

Современный центр Эксете́ра представлял собой гротескное смешение прекрасных старинных зданий с громоздкими, безобразными в своей прямоугольной примитивности утешительными конструкциями, призванными заполнить зияющие пустоты. Город по-прежнему изобиловал архитектурными памятниками, однако не позволял забывать о постигших страну тяжких страданиях. И только школа Черчилл в гордом одиночестве возвышалась среди высоких раскидистых деревьев, напоминая о далеком и вечно живом прошлом. Буйный изумрудный плющ, особенно неудержимый в летний семестр, намертво вцепился в терракотово-красные кирпичные стены, словно старался обрушить и вернуть земле то, что человек забрал у природы. В этом и заключалась главная причина вечной любви Джеффри Стоуна к священной обители: изысканные вековые традиции со спокойным достоинством жили среди грубо сработанных подделок, а правда представала в неоспоримой очевидности. Да, школа стала родной — с того самого момента, когда, еще мальчиком, он впервые вошел в старинные кованые ворота, сразу ощутив себя частью волшебного мира. И с тех пор уже не представлял существования в ином месте.

— Мистер Стоун!

Директор обернулся и увидел Эйвери Филипса. Походка старосты школы свидетельствовала об уверенности, не характерной для обычных учеников. Эйвери протянул конверт.

— Что это?

— Деньги, сэр. Собрали в выходные во время спортивного праздника. Более пятисот фунтов.

— Замечательно. Будьте добры, отдайте секретарю.

— Хорошо, сэр. — Эйвери повернулся, чтобы выполнить распоряжение.

— Впрочем, зайдите на минуту в мой кабинет. Есть небольшое дело.

Джеффри отступил, пропуская молодого человека вперед, и двинулся следом.

Шагали они быстро, причем директор старался смотреть строго на затылок ученика, не опуская взгляд ни к широким плечам, ни тем более ниже. Сколько раз по пятницам, в дождливую погоду, он наблюдал, как парни в черных шортах возятся в грязи в отчаянной борьбе за мяч, цепляясь друг за друга с откровенной плотской яростью. А потом, в ночной тьме, воспоминания о разгоряченных шестиклассниках подолгу не давали уснуть, тесня вожделением грудь... и не только.

С легкой усмешкой староста остановился возле двери. Чтобы дотянуться до ручки, директору пришлось приблизиться почти вплотную. Джеффри часто ощущал в Эйвери страсть к игре. Вот и сейчас, в кабинете, тот развалился на стуле в вызывающей позе — откинувшись на спинку, широко расставив колени и явно испытывая на прочность швы форменных брюк. Слегка склонил голову и посмотрел пристально, будто хотел пронзить взглядом.

— Выпишу вам пропуск, Эйвери. Необходимо отнести кое-что в город.

— Конечно, сэр. — В глазах вспыхнули искры, а на губах появилась многозначительная усмешка заговорщика: что ж, отныне их с директором объединяет общая тайна.

— Очень важно, Эйвери, чтобы никто ничего не узнал — даже при непредвиденных обстоятельствах.

— Понимаю, сэр. — Юноша слегка подался вперед, ни на миг не отводя взгляда.

Джеффри торопливо начертил всего два слова: «Он вернулся». Положил лаконичное сообщение в конверт и уже более аккуратно обозначил имя получателя: Стивен. Адрес написал на отдельном листке.

— Передайте этому человеку, больше никому ни слова. — Он помолчал, думая, что ученик уйдет, однако тот продолжал смотреть, явно чего-то ожидая.

— О! — воскликнул Джеффри, сунул руку в карман, достал несколько купюр и протянул Эйвери. Тот улыбнулся. — Могу я рассчитывать на ваше молчание?

— Разумеется, сэр.

Джеффри знал, что больше всего на свете Филип любит секреты. Ходили слухи о шантаже, компрометирующих фотографиях, мошенничестве на экзаменах и даже слежке за учителями — кто с кем спит и тому подобное, — чтобы в нужный момент обменять полезную информацию на высокую оценку. Да, Эйвери учился отлично. При нормальных обстоятельствах Джеффри ни за что не отдал бы записку этому опасному парню. Но все закончилось, и возможные последствия утратили значение.

Джеффри посмотрел в окно, увидел, как староста вышел из школы, пересек двор и скрылся за воротами. Перевел взгляд на спальный корпус — более

скромный, чем главное здание. Спросил себя: сколько времени осталось? Наверное, надо позвонить жене. Вот только что сказать? Снял телефонную трубку, помедлил, глядя на клавиатуру, и нажал «0».

— До конца дня ни с кем меня не соединяйте, Элейн. Накопилось много бумажной работы.

Джеффри откинулся на спинку кресла и снова посмотрел в окно: во дворе играли мальчики. За время его работы в школе мало что изменилось. Мир вокруг стал другим, но здесь, в старинных стенах, служивших напоминанием о прошлом, все еще жили не стертые веками драгоценные, полные глубокого смысла традиции и обычаи.

Школьный день катился по привычной, давно накатанной колее — Джеффри занимался бумагами, пытаясь, насколько возможно, навести порядок в канцелярских делах, однако мысли постоянно возвращались к лежавшей в ящике стола роковой книге. Он всегда тщательно скрывал свои наклонности, понимая, что огласка разрушит педагогическую карьеру. Всеми уважаемый директор действительно любил свою работу и не мог допустить, чтобы люди узнали, какие чувства внушают ему эти мальчики. Почти тридцать лет Джеффри Стоун отдал школе, и за все годы не случилось ни единой неприятности.

Примерно за час до окончания занятий неудержимо захотелось как можно быстрее уйти. К этому времени шум в классах обычно заметно усиливался, а на последней перемене коридоры наполнялись гамом: дети, с утра строго соблюдавшие дисциплину, уставали и забывали о правилах. Но вот наконец школьный день завершился, и в учебном корпусе наступала долгожданная тишина. Пансионеры возвращались в жи-

лое здание, а приходящие ученики садились в автобусы и разъезжались по домам.

Джефффри достал книгу и провел ладонью по обложке. Прикосновение, словно старый добрый друг, разбудило воспоминания. Дрожащие пальцы прошли по заголовку «Das Geschenk»*. Он открыл книгу и начал читать. Без практики немецкий язык утратил живость, но содержание отлично сохранилось в памяти. Твердо веря в старинную мудрость, Джефффри когда-то купил этот том, обнаружив на пожелтевших страницах историческую перспективу, глубокое проникновение в суть собственного «состояния» и ценные советы о том, как преодолеть природу. Старинная книга представляла собой библиографическую редкость. Чтобы разыскать ее, а тем более приобрести, требовалось немало усилий и денег. Но все же кто-то не пожалел ни сил, ни средств, и Джефффри точно знал, кто именно. В свое время этот том помогал найти ответы на мучительно сложные вопросы: почему он такой, какой есть; почему непременно должен находиться среди стремительно взрослеющих мальчиков-подростков; почему от одного лишь запаха женщины его бросает в дрожь.

Летние сумерки опустили легкое полупрозрачное покрывало, и Джефффри открыл ноутбук, не сомневаясь, что остался в здании один: к этому времени расходились даже уборщицы. Не желая пользоваться школьной сетью, подключил мобильный модем и зашел на закрытый сайт с фотографиями. Прежде чем набрать пароль, еще раз прислушался: тихо. На экране появились ряды папок с указанием возраста, а в каждой в алфавитном порядке перечислялись име-

---

* «Дар» (нем.). — Примеч. пер.

на: Джейсон, Маркус, Роберт... Любимые ученики директора школы. Нет, мистер Стоун не принадлежал к беспечной компании глупцов, хранивших опасные улики на жестких дисках. Действовал умно, осторожно, а за безопасность секретного сайта платил немалые деньги. Он попытался открыть первую папку с именем «Дэниел», однако Сеть неожиданно запросила дополнительный пароль — ничего подобного никогда не происходило. В панике Джефффри принялся лихорадочно «дергать» другие файлы, но ни один не поддавался. Хотел стереть, уничтожить... ничего не получилось. Об этих фотографиях не знал ни один человек на свете — не подозревали даже сами мальчики. Кому же удалось разоблачить его тайну и каким образом злоумышленник сумел заблокировать доступ к секретной информации?

Внезапно Джефффри осознал, что непроизвольно напевает одну старую мелодию, и замолчал. Однако музыка — едва слышная, но оттого не менее знакомая — доносилась откуда-то из глубины здания. Сердце замерло. Все, роковой миг настал. Вдохновенная тема Малера — печальная даже в лучшие времена — сейчас звучала, подобно погребальному колокольному звону, и провозглашала конец, предначертанный судьбой еще несколько десятилетий назад.

Джефффри открыл дверь и выглянул в коридор. Музыка долетала из большого зала. Он двинулся на звук: с каждым шагом мелодия становилась громче и мучительнее. Симфония отлично сохранилась в памяти, а сегодняшний день наполнился тоской по давним временам, сожалеть о которых вряд ли следовало. По тем временам, когда он осознанно причинял тяжкую боль. Музыка и тогда воплощала благоговейный ужас и трепет перед грядущим событием, а теперь мелодии

прощания предстояло стать его последним земным впечатлением — разумеется, не случайно.

Джеффри открыл двойную стеклянную дверь и поморщился от нестерпимо громкого звука. На сцене стоял стул, а над ним висела петля. Слева возвышался стол, покрытый красной бархатной скатертью — почти церемониальной в своей торжественности, — а на столе ждал превосходный черный лакированный ящик. Музыка внезапно оборвалась. Возникла давящая, звенящая тишина.

— Привет, старина, — раздался незнакомый мужской голос. Что ж, так и должно быть: мальчик повзрослел.

— Чего ты хочешь?

— Речь не о том, чего я хочу, а о том, что должно произойти.

— Но почему именно сегодня? Прошло много времени... — Джеффри боялся обернуться и взглянуть на собственную гибель.

— Неужели не помнишь, какой сегодня день? Миновало восемнадцать лет. Ровно восемнадцать лет с тех пор, как я узнал, что ты за чудовище. — Голос звучал медленно, уверенно, твердо. Конец надвигался совсем не так, как Джеффри представлял.

— Думаешь, я повешусь? Напрасно. — Он взглянул на петлю.

— Не думаю, а знаю, — прошептал невидимка с такой несокрушимой убежденностью, что сомнений не осталось.

— Тебе придется заставить меня. Останутся свидетельства, улики. Будет ясно, что это не самоубийство, — в панике возразил Джеффри, с каждым словом все глубже ощущая собственную жалкую беспомощность.

— Так или иначе, а сегодня ты умрешь. Было бы приятнее изобразить самоубийство, но вполне подойдет и забавный вариант.

— Не посмеешь!

— Еще как посмею! Не сомневайся. Я там был, помнишь? И видел твоё состояние. Видел тошноту.

— Но ты не сможешь ничего доказать. Кто тебе поверит?

— Фотографии говорят сами за себя. Мои, сделанные много лет назад, да и все последующие. Вижу, ты убрал из раздевалок фото- и видеокамеры. Испугался, что кто-нибудь догадается о твоей любви к мальчикам?

— Откуда тебе известно о камерах?

— Давно за тобой наблюдаю. Поставил на твой компьютер отмычку, чтобы следить за каждым нажатием клавиши, каждым сайтом, каждым паролем, и письмом. А несколько недель назад установил виртуальную частную сеть и с тех пор могу не только наблюдать, но и контролировать.

Джеффри медленно приблизился к столу, понимая, что в ящике может оказаться все, что угодно, но не смея надеяться на такую милость, как пистолет. Он чувствовал, что человек стоит рядом, за спиной — так, что можно протянуть руку и дотронуться. Захотелось схватить ящик, размахнуться и ударить негодяя по лицу. А если он ошибается и в действительности расстояние не настолько мало? Что тогда сделает убийца? Нет, рисковать нельзя.

— Я не прикоснулся ни к одному из них, — прошептал Джеффри, чувствуя, как отвратительно звучит оправдание.

— С такими, как ты, это всего лишь дело времени. Сделаешь еще раз и уже не сумеешь остановиться. Но

даже если каким-то чудом удержишься, не забывай, что сердечный приступ может случиться прямо за столом. А потом начнут проверять содержимое ящиков и обнаружат ту самую флэшку. Я видел фотографии в твоих файлах. Наблюдал, как ты подсматривал за мальчиками. Давно ли это было? Люди тоже увидят файлы и сделают выводы. — Голос звучал холодно и ровно, без эмоций и даже без насмешки. — Не забывай, что я собственными глазами видел, как ты любишь подглядывать.

Джефффри резко вздохнул: на поясницу легла ладонь, неторопливо поползла вверх, задержалась между лопаток и поднялась выше, к взмокшим от пота растрепанным волосам. Тело с готовностью отозвалось на откровенное прикосновение мужской руки.

— Прекрати!

— Готов поспорить, что, когда я был юношей, ты сотни раз мечтал об этом мгновении. Тогда не стал бы останавливать, — прошептал искуситель, согревая дыханием шею. — Тебе наверняка бы очень понравилось, правда? К сожалению, я уже не тот мальчик. Давно вырос и возмужал.

— Что в ящике? — с трудом проговорил Джефффри.

— Подойди и посмотри. Знаю, что любишь варианты, и оставляю выбор за тобой.

Джефффри поднес руку к крышке и замер в нерешительности: шкатулку ручной работы, искусно изготовленную из черного дерева, покрывал сложный, таинственный узор. А когда наконец осмелился открыть и заглянуть внутрь, во рту мгновенно пересохло. Кровь в венах застыла, колени ослабли, в глазах потемнело. Чтобы устоять на ногах, потребовалось нечеловеческое усилие. Зал медленно закружился.

— Знаешь, что это такое?